

У ИВАНА ОХЛОБЫСТИНА НЕТ КРИЗИСА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Вряд ли найдется человек, у которого при имени Иван ОХЛОБЫСТИН ничего не шевельнется в памяти. Скорее всего ассоциироваться это имя будет с чем-то приятным, веселым и совершенно несерьезным. Но что любопытно: не все смогут вразумительно ответить, чем же конкретно он известен. И дело не в начинающемся склерозе, а в самом герое: его интересы настолько многообразны, а деятельность хаотична и всеохватна, что разобраться сложно. Однако к привычному портрету недавно добавился новый штрих, который если и не переворачивает с ног на голову, то существенно корректирует наши представления об Иване Охлобыстине.

Я хороший фрезеровщик, автослесарь. Кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе. Могу дворником работать, могу в армию пойти. Да если бы не семья, я бы давно бросил все работы. Мне читать хочется. Я такую библиотеку собрал: Григорий Богослов, Дионисий Ареопagit, Клемент Александрийский... Они писали 15 веков назад, но читаются получше современных огуречных авторов.

У ИВАНА ОХЛОБЫСТИНА НЕТ КРИЗИСА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Окончание.

Начало см. на 1-й стр. "МузПравды".

— Раньше интервью с тобой не обходились без вопросов о гулянках, татуировках, друзьях — байкерах и музыкантах... Теперь спрашивают про религию.

— Это объяснимо. Когда я раньше говорил о вере, от этого отмахивались, считая временной причудой. Но теперь я веду религиозную передачу "Канон" на ТВ 6, и это сразу всех заинтересовало. Не могут простить мне, горемишке, что я православный. Более того, я сейчас служу в церкви, посилю изучаю богословие и надеюсь в будущем заслужить сан дьякона. Если Бог даст, так и будет.

— То есть ты хочешь посвятить свою жизнь церкви, отречься от всего мирского, от своего творчества?

— Один мой друг, узнав мои планы, задал мне похожий вопрос: "Не жалко тебе бросать кино?" А я ему ответил: "Ты же сам знаешь: чтобы иметь успех, реализоваться, надо всего себя посвятить кино. А я этого не хочу, я хочу всего себя посвятить церкви. Если я этого не сделаю, я буду несчастлив". Да, я хотел бы как можно скорее от всего этого отойти — от такой жизни, от друзей. Но меня не благословляют, говорят: "Пока твое место здесь".

— А если бы сказали: "Не пиши, не снимайся"?

— Все брошу. Легко. Я здоровый мужик, смогу прокормить свою семью.

— Чем же?

— Я хороший фрезеровщик, автослесарь. Кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе. Могу дворником работать, могу в армию пойти. Да если бы не семья, я бы давно бросил все работы. Мне читать хочется. Я такую библиотеку собрал: Григорий Богослов, Дионисий Ареопagit, Клемент Александрийский... Они писали 15 веков назад, но читаются получше современных огуречных авторов.

— Но пока ты еще продолжаешь работать, может, религиозная тематика проникает в твоё творчество?

— Да, но немного. Большинство вопросов я просто не вправе решать.

— А в свете твоих теперешних взглядов меняется отношение к тому, что ты делал раньше?

— Конечно. Я изменился как человек, у меня изменились взгляды на жизнь. Я стал менее поверхностным.

— Ни о чем не жалеешь?

— Ну как можно с сожалением относиться к себе, любимому? Мы вынуждены любить себя, потому что любим людей, которые нас сделали: своих родителей, свою Родину. Конечно, я наделал кучу глупостей. Я бы сейчас совсем иначе писал. А честнее: я бы вообще не стал писать на эти темы. Например, "Злодейка". Тогда

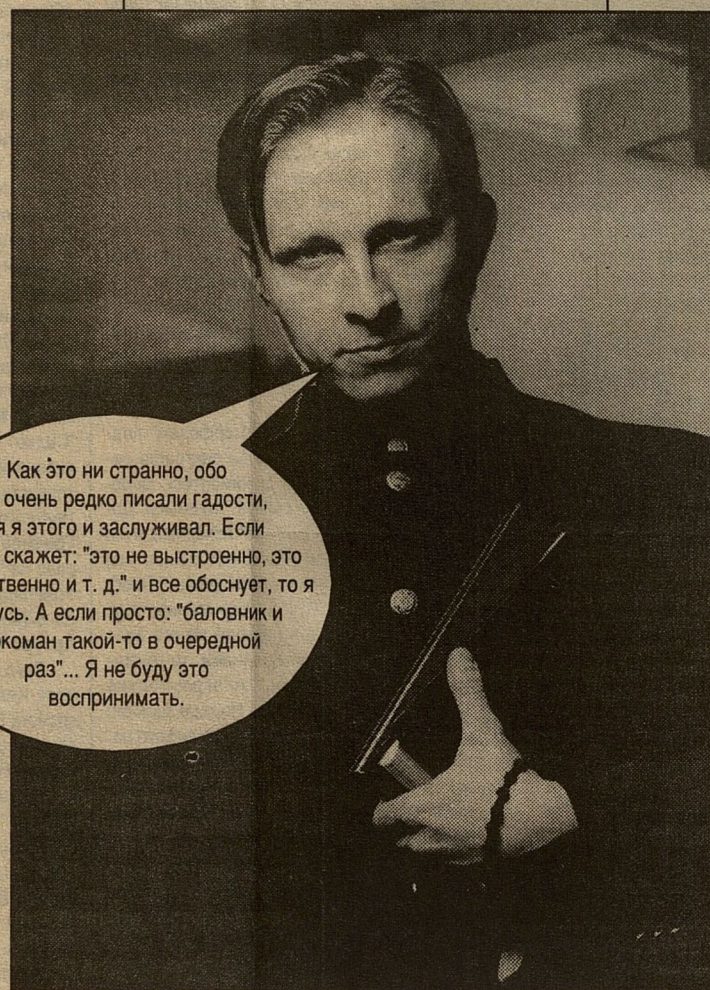
я писал ее искренне, потому что и время было другое, грубее. Говорили о том, что лежит на поверхности.

— А как ты относишься к критике? Ведь о тебе писали гадости.

— Как это ни странно, обо мне очень редко писали гадости, хотя я этого и заслуживал. Если человек скажет: "это не выстроено, это безнравственно и т. д." и все обоснует, то я огорчусь. А если просто: "баловник и наркоман такой-то в очередной раз"... Я не буду это воспринимать.

— Может, потому и прощают все шалости, что не воспринимают всерьез?

— Не думаю. Знаешь, я всегда создавал вокруг се-

Как это ни странно, обо мне очень редко писали гадости, хотя я этого и заслуживал. Если человек скажет: "это не выстроено, это безнравственно и т. д." и все обоснует, то я огорчусь. А если просто: "баловник и наркоман такой-то в очередной раз"... Я не буду это воспринимать.

бя свой мир. Это были мои друзья, то, что я делал. В этот мир очень сложно проникнуть с критикой. Я и сам могу оценить свое творчество и, как правило, оцениваю его негативно. Хотя и ругать себя нельзя.

— А ты-то сам всерьез относишься к тому, что делаешь?

— Относительно. Все, что я делал вне церкви, не требовало от меня никаких особенных усилий. Мне все давалось легко.

— Может, результат был бы другим, если бы ты затратил больше времени или сил?

— А я этого не хотел. Я всегда относился к этому так... Мне казалось, что человек должен просто построить себя на восприятие. Ты себя настроил, через тебя прошло и все. Это не твоя заслуга, что ты это сделал. Просто ты такой.

— Как к тебе относятся творческие люди старшего поколения?

— Как это ни странно, я только с ними и дружу. А с людьми моего поколения — в основном, флирт на гольф-площадке... У них возникает ощущение соперничества со мной. Они либо начинают язвить, думая, что я просто забубенный хохотун (на самом деле скучнее меня никого не придумаешь), либо вступают в попытку близкой дружбы, которую я, кроме жены, никому позволить не могу. Я обожаю Александра Наумовича Митту, балдею от творчества Сергея Бондарчука... Такое полотно, эпичность!..

— А они принимают тебя всерьез?

— Да, по-моему, да... Но тут можно говорить о том, принимают всерьез или нет. А нравится — не нравится... Не знаю. Но почему-то старшее поколение как раз воспринимает меня серьезнее, чем мое.

— Что тебе интересно из того, что происходит сейчас в искусстве?

— Есть хорошее. Но мне нравится простое. Ну, прочитал я нашумевшего Пелевина. Ну тутти-фрутти! Хотя пальму первенства я отдал бы тоже ему. Но ничего нового. Фаулз — да, интересен. Он предсказуемо популярен сейчас среди думающей молодежи. Берроуз ничего. По-прежнему люблю "Мастера и Маргариту", хоть это не совсем современное.

— Несмотря на то, что там дается не хрестоматийное толкование Евангелия?

— Это же талантливо! Булгаков, Достоевский и прочие очеловечивают Христа, но не издеваются над ним. Театр?.. Помнится, сходил на собственную пьесу. Честно говоря, я и телевизор включаю — на себя посмотреть. Мне очень понравился "Разум и чувствительность". Я плакал, как ребенок! Вот по мне это хорошее кино. Все самое простое — на самом деле сложное. "Назад в будущее" трехсерийный нравится. "Индияну Джонс" обожаю. "Титаник", "Ромео и Джульетта" очень понравились. У меня обывательский вкус. Понравился фильм моего однокурсника Тиграна Кеосаяна "Бедная Саша". Очень приличный фильм. "Вор" очень понравился. Я ценю Машкова. Один из самых перспективных актеров сейчас. А серьезное кино... Сейчас его можно нередко спутать с издевательством. Серьезное кино — это серьезное разбирательство. Например, Гринуйз — очень хорош. Но я не стану его смотреть все время. А "Разум и чувствительность" стал бы. Я не эстет, я колхозник.

— Ты написал сценарий "Кризиса среднего возраста", но о своем собственном кризисе пока как-то не говорил.

— Никаких проблем. Ну какой кризис? У меня проблемы все бытовые. Надо делать ремонт, возиться со всякой глупой плиткой. Времени не хватает. Помолиться толком некогда! Случаются проблемы с заработком. С детьми надо что-то делать... Вот и все. А таких проблем: писать не писать, что писать, как жить — у меня нет. Глупости все это.

ИД "Новый Взгляд" благодарит пресс-службу МНВК ТВ 6 за помощь в подготовке интервью.

Машков — 1998. — 8 мая. — с. 9, 11.